

ВЕДУНЬЯ

Та, что ждала под колодцем

Книга вторая

Ирина Бодякшина

Ирина Бодякшина

**Ведунья. Книга вторая. Та,
что ждала под колодцем**

«Автор»

2026

Бодякшина И. В.

Ведунья. Книга вторая. Та, что ждала под колодцем /
И. В. Бодякшина — «Автор», 2026

Дверь скита закрыта. Иван свободен. Прабабка прощена. Род жив.Ирина думала, что всё закончилось. Год прошёл. Аня пряла нить. Артём собирал род. Иван читал имена. Всё было «после».Но колодец не молчит. Кто-то ждёт под ним. Не Ева. Не прабабка. Та, что осталась. Та, чьё имя вычеркнули из рода. Та, что ждала сто лет. В темноте. В воде. Одна.Она не хочет прощения. Она хочет «тебя». Ирина должна спуститься. Одна. Иначе — заберёт Артёма.Славянское тёмное фэнтези о роде, памяти и той, что ждала под колодцем.

Содержание

Пролог. Голос из-под колодца	6
Глава 1. Записка	7
Глава 2. Та, что осталась	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ирина Бодякшина
Ведунья. Книга вторая. Та,
что ждала под колодцем

Название: Ведунья. Книга вторая. Та, что ждала под колодцем

Автор(-ы): Ирина Бодякшина

Ссылка: <https://author.today/work/673010>

Пролог. Голос из-под колодца

Здесь всегда темно.

И тихо.

Я не знаю, сколько прошло времени. Может быть, год. Может быть, сто лет. Время здесь не течёт, как река. Оно стоит на месте, как вода в колодце, куда не падает свет.

Я слышу шаги наверху.

Мягкие. Осторожные. Женщина ходит по двору. Это она. Та, которую я ждала. Та, что пришла забрать икону. Та, что смогла зажечь свет.

Я вижу её сквозь толщу земли и воды. Как она улыбается. Как она смотрит на своё небо. Как она думает, что всё закончилось.

Но это не так.

Она закрыла дверь скита. Она освободила Ивана. Она простила прабабку. Она думает, что тайна закрыта.

Но дверь осталась открытой.

Я жду её. Каждую ночь я шепчу её имя. Но она не слышит. Она спит. Рядом с ней мужчина с серыми глазами. Он тоже спит.

А я не сплю.

Я помню всё. Я помню руки. Я помню огонь. Я помню крик. Я помню, как меня забрали. Я помню, как уронили в эту темноту, чтобы я стала частью дома. Чтобы я стала хранительницей.

Я — то, что осталось от девочки, которую вы ищете.

Я — та, кто не успел уйти.

И сегодня я снова постучу. Но не в дверь. Я постучу в её сердце. Пусть она услышит. Пусть спустится.

Потому что если она не придёт — я заберу её ребёнка.

Глава 1. Записка

Свеча догорела до половины, когда я поняла, что не одна.

Не в доме. В доме спали. Артём — на лавке, укрытый тулупом. Иван — на полу, подложив под голову руку. Он всегда спал на полу. Год прошёл, а он так и не привык к кровати. Говорил: «На полу слышно, как дышит дом». Я не спорила. Пусть слушает. Кому, как не ему, знать, как дышат дома, в которых сто лет никто не жил.

Я сидела у окна. Не спала. С тех пор, как закрылась дверь скита, я спала мало. Не потому, что боялась. Потому что привыкла слушать. Лес. Дом. Печь. Свечу. Себя.

Свеча горела ровно. Воск капал на блюдце — медленно, тягуче, как кровь. Я смотрела на него и думала: «Я могла бы умереть там. В ските. Год назад. И никто бы не узнал».

Но я не умерла. Я сидела. Дышала. Смотрела на огонь. И ждала. Чего? Я не знала. Может, бабушку. Может, Артёма. Может, его.

И тут я почувствовала: что-то не так.

Не в доме. Не в лесу. В себе. Как будто кто-то стоял за спиной. Близко. Очень близко. Так близко, что задевал дыханием. Холодным. Тёмным. Чужим.

Я обернулась.

Никого. Только пустая кухня. Только тени от икон. Только свеча.

Но на столе лежала записка.

Я не слышала, как её положили. Я сидела у стола. Смотрела на огонь. Не отводила глаз. И всё равно — не слышала. Как будто она была здесь всегда. Как будто её только что не было. Как будто кто-то вынул её из воздуха. Из памяти. Из меня.

Я взяла её. Бумага была холодной. Как лёд. Как вода в колодце. Как тьма. Я развернула. Почерк был незнакомый. Резкий. Тёмный. Как будто писали не рукой, а чем-то другим. Чем-то, что было глубже. Старше. Темнее.

«Ты закрыла дверь. Ты спасла род. Но ты не спасла меня. Я жду. Под колодцем. Там, где ты не искала. Приходи. Одна. Иначе — пожалеешь».

Я прочитала ещё раз. Медленно. Вслух. Тихо. Чтобы услышать. Чтобы понять. Чтобы поверить.

«Ты не спасла меня».

Кого? Кого я не спасла? Ивана я спасла. Артёма спасла. Род спасла. Прабабку — простила. Кого я не спасла?

И тут я поняла.

Я не спасла ту, что осталась.

Я не пошла сразу.

Сначала я сидела. Долго. Смотрела на записку. На почерк. На бумагу. Как будто ждала, что она исчезнет. Как будто ждала, что мне показалось. Как будто ждала, что кто-то войдёт и скажет: «Это не тебе. Это ошибка. Это чужая записка».

Никто не вошёл.

Я встала. Подошла к печи. Открыла дверцу. Угли были чёрными. Мёртвыми. Но в самом центре, глубоко, что-то ещё тлело. Маленькая. Красная. Живая. Искра. Как сердце. Как память. Как род. Я подбросила дров. Сухих. Берёзовых. Искра вспыхнула. Огонь пошёл вверх. Ярko. Тепло. Живо. Как будто ждал. Как будто знал. Как будто верил.

Печь ожила. Чугунок снова нагрелся. Каша в нём снова стала тёплой. Я посмотрела на огонь. Долго. Молча. И подумала: «Пока горит — дом жив. Остынет — дом умрёт. Но пока есть искра — можно разжечь. Пока есть память — можно вспомнить. Пока есть род — можно жить».

А потом я подошла к Артёму.

Он спал на лавке. Укрытый тулупом. Молодой. Взрослый. Чужой. На его виске белел тонкий шрам. Как нить. Как память. Как род. Я смотрела на него. Долго. Молча. И думала: «Если я спущусь — я могу не вернуться. Если я не спущусь — он заберёт Артёма. И тогда я буду жить с этим. Всегда».

Я наклонилась. Поцеловала его в лоб. Тихо. Чтобы не разбудить. И в этот момент он пошевелился. Не проснулся. Просто пробормотал что-то. Неразборчиво. Как будто говорил во сне. Как будто звал кого-то. Как будто просил.

Я выпрямилась. И поняла: у меня нет выбора.

Я взяла икону. Тёплую. Живую. Как будто кто-то только что держал её в руках. Как будто кто-то только что её отпустил.

Взяла пуговицы. Двенадцать штук. Костяные. Старые. И только потом заметила: они были холодными. Все двенадцать. Как лёд. Как вода в колодце. Как тьма. Хотя лежали в тёплом кармане. Хотя я держала их в руках. Хотя они должны были быть тёплыми.

Я не стала думать, почему.

Взяла веретено. Тяжёлое. Тёмное. Оно гудело. Тихо. Ровно. Живо. Как будто ждало. Как будто знало. Как будто верило.

Я вышла во двор.

Дождь кончился. Небо было серым. Пели птицы. Лес стоял тихий. Спокойный. Ждал.

Я подошла к колодцу. Остановилась в десяти шагах. Посмотрела на сруб. На мох. На почерневшие брёвна. На темноту внизу. На то, что было до воды. До света. До жизни.

И почувствовала: что-то смотрит на меня. Не из колодца. Не из леса. Изнутри. Как будто кто-то стоял за спиной. И дышал в затылок. И ждал. Когда я дойду. Когда я увижу. Когда я пойму.

— Кто здесь? — спросила я.

Тишина. Только ветер. Только лес. Только я.

— Я знаю, что ты есть. — Голос мой дрогнул. — Покажись.

И тут я услышала шепот.

Он был внутри колодца.

— Ты не пришла, — сказала девочка. — Я ждала тебя.

Я отшатнулась.

— Кто ты?

— Ты знаешь, — сказала она. — Я — та, кого ты ищешь.

В голове зазвенели колокольчики. Впервые за год. Громко, тревожно. Я схватилась за край колодца.

— Аграфена? — прошептала я.

Тишина.

А потом плач. Громче. Отчаяннее. Как будто девочка плакала не от боли. А от одиночества.

Я вернулась в дом. Разбудила Артёма.

— Что случилось? — спросил он.

— В колодце кто-то есть.

Он сел на лавке. Посмотрел на меня. В его глазах был страх. Тот самый, который был, когда он искал сестру.

— Ты уверена?

— Я слышала голос.

Он встал. Оделся. Мы вышли во двор.

— Открывай, — сказал он.

Я отодвинула железную крышку. В лицо пахнуло холодом и сыростью.

Артём осветил фонариком.

Вода была чёрной. Как смоль. И на поверхности плавала кукла.
Старая, тряпичная. В платье. С косичками.
Артём замер.

— Это кукла Аграфены, — прошептал он. — Я помню её. Мы играли с ней во дворе.
Перед тем, как она исчезла.

Я посмотрела на него.

— Значит, она жива.

— Или она умерла, — сказал он. — И это её дух.

Мы стояли и смотрели на куклу. А кукла смотрела на нас. И улыбалась.

А в голове у меня звенели колокольчики. И я знала: это только начало.

Утром я сказала Артёму и Ивану, что пойду одна.

Артём не спорил. Он посмотрел на меня. Долго. Молча. И в его глазах было что-то, чего я не видела раньше. Не страх. Не злость. Понимание.

— Ты знаешь, кто это, — сказал он.

— Знаю.

— Кто?

— Та, что осталась.

Он кивнул. Медленно. Тихо. Как будто ждал этого. Как будто знал.

Иван подошёл ко мне. Взял за руку. Его ладонь была тёплой. Сухой. Как земля в июле.
Как бабушкины ладони. Как память.

— Ты вернёшься, — сказал он. Не спросил. Сказал.

— Вернусь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он отпустил меня. Медленно. Тихо. Как будто не хотел. Как будто боялся. Как будто знал, что я лгу.

Я вышла из дома. Тихо. Чтобы не разбудить. Посмотрела на лес. Он был тихим. Спокойным. Живым. Как будто ждал. Как будто знал. Как будто готовился.

Я пошла к колодецу.

Медленно. Очень медленно. Как будто шла по дну реки. Как будто воздух стал водой. Густой. Тяжёлой. Вязкой. Я продиралась сквозь него. Каждый шаг давался с трудом. Каждый вдох — с болью. Воздух не хотел меня пускать. Как будто лес не хотел. Как будто тьма не хотела. Как будто он не хотел.

Колодец стоял на краю огорода. Старый. С почерневшим срубом. С мхом на брёвнах. С запахом сырости. Гнили. Чем-то старым. Чем-то, что было здесь всегда.

Я остановилась. Посмотрела вниз. В темноту. В воду. В глубину. И увидела.

Не воду. Не камень. Небо.

Голубое. Чистое. С облаками. С солнцем. Как будто там, внизу, был другой мир. Другое небо. Другая жизнь.

И в этом небе кто-то улыбнулся. И этот кто-то был не бабушка. И не прабабка.

Это была я.

Я шагнула в колодец.

Спуск был долгим. Дольше, чем в первый раз. Дольше, чем в скит. Дольше, чем в тот день, когда я уходила из дома с рюкзаком и лампой.

Я держалась за скобы. Ржавые. Холодные. Острые. Они резали ладони. Я не замечала. Я шла вниз. Медленно. Тихо. Как будто шла по дну реки. Как будто воздух стал водой. Густой. Тяжёлой. Вязкой.

Внизу было не вода.

Внизу была комната.

Я остановилась. Ноги коснулись пола. Не воды. Не глины. Деревя. Старого. Тёмного. Тёплого. Как будто его только что вымыли. Или как будто кто-то только что ходил по нему босиком. Ночью. Пока я спала.

Комната была низкой. Сводчатой. С каменными стенами. Как в ските. Как в той комнате, где я нашла имена шести детей. Только здесь не было имён. Здесь не было ничего. Только стол. Только свеча. Только стул.

И женщина на стуле.

Она сидела спиной ко мне.

Прямая. Неподвижная. Как будто не дышала. Как будто ждала. Давно. Очень давно. Сто лет. Двести. Тысячу.

На ней было тёмное платье. Простое. С длинными рукавами. Волосы — тёмные, с проседью, стянутые в тугую пучок. Несколько прядей выбивались. Как у меня. Как у всех женщин рода.

Я знала её.

Я не хотела знать. Но знала.

— Садись, — сказала она. Не оборачиваясь. — Ты долго шла.

Голос был мой. Не похожий. Не чужой. Мой. Как будто я говорила сама с собой. Как будто я стояла перед зеркалом. Только зеркало было тёмным. И в нём отражалась не я.

— Кто ты? — спросила я.

Она обернулась.

Медленно. Тихо. Как будто каждое движение давалось ей с трудом. Как будто тело не слушалось. Как будто оно привыкло быть внизу. В темноте. Один.

И я увидела.

Моё лицо. Мои глаза. Мои губы. Только старше. Намного старше. Как будто она прожила здесь сто лет. Двести. Тысячу. Как будто время здесь не текло, как река. Оно стояло на месте. Как вода в колодезе, куда не падает свет.

— Я — та, что осталась, — сказала она. — Когда ты ушла в лес. Когда нашла дом. Когда встретила его. Ты выбрала силу. Я осталась с Артёмом. Ты забыла. Я помню.

Я стояла. Смотрела на неё. И чувствовала: что-то уходит. Что-то, что было во мне. Что-то, что было моим. Что-то, что было родом. Сила. Память. Жизнь. Она уходила. Медленно. Тихо. Неотвратно. Как вода сквозь пальцы. Как песок сквозь время. Как жизнь сквозь смерть.

— Ты лжёшь.

— Я не лгу. Я никогда не лгу. Я — ты. А ты не лжёшь. Ты просто не помнишь. Ты не помнишь, как упала в этот колодезь. В пять лет. Как бабушка вытащила только одну. Вторую оставила. Потому что не могла вытащить обеих. Потому что времени было мало. Потому что вода поднималась.

Я замерла.

— Что?

— Ты не помнишь. Ты никогда не помнила. Ты думала, что ты одна. Что ты последняя. Что ты хранительница. Но хранительниц было две. Ты и я. Бабушка выбрала тебя. Потому что ты была сильнее. Потому что ты была светлее. Потому что ты могла жить. А я осталась здесь. В темноте. В воде. В колодезе. Чтобы держать то, что не могла держать ты.

— Что держать?

— Тебя.

Она встала. Медленно. Тяжело. Как будто каждый сантиметр давался ей с трудом. Как будто ноги не слушались. Как будто она забыла, как это — ходить. Сто лет она не ходила. Сто лет она была тенью. Сто лет она ждала.

Она подошла ко мне. Так близко, что я могла коснуться её. Рукой. Пальцами. Сердцем. Но не коснулась. Не могла. Не смела.

— Ты думаешь, что закрыла дверь скита? Ты думаешь, что освободила Ивана? Ты думаешь, что простила прабабку? Ты думаешь, что всё закончилось?

— Да.

— Нет. — Она улыбнулась. Тихо. Страшно. Как будто ждала этого. Сто лет ждала. — Ты закрыла дверь. Но дверь — это не скит. Дверь — это ты. И пока ты не откроешь меня — тьма будет возвращаться. Снова. И снова. Потому что тьма живёт там, где есть забытое имя. А моё имя ты забыла. Давно. Очень давно. Когда тебе было пять.

— Как тебя зовут?

Она посмотрела на меня. Долго. Молча. И в её глазах было что-то, от чего у меня сжалось сердце. Не ненависть. Не злоба. Не тьма.

Одиночество.

— Ты не помнишь. Ты никогда не помнила. Ты думала, что ты одна. Что ты последняя. Что ты хранительница. Но хранительниц было две. Ты и я. Бабушка выбрала тебя. Потому что ты была сильнее. Потому что ты была светлее. Потому что ты могла жить. А я осталась здесь. В темноте. В воде. В колодце. Чтобы держать то, что не могла держать ты.

Она замолчала. Сглотнула. И сказала:

— Меня зовут Аграфена. Как ту, что сгорела в ските. Как ту, что выжила. Как ту, что ждала сто лет. Только я — не она. Я — та, что осталась. Та, что ждала под колодцем. Та, чьё имя вычеркнули из рода.

Я стояла. Смотрела на неё. И в этот момент я поняла: она не лжёт. Она говорит правду. Ту правду, которую я не хотела слышать.

А потом одна пуговица выпала из моего кармана. Сама. Без причины. Покатилась по полу. Медленно. Тихо. И остановилась у её ног.

Аграфена наклонилась. Подняла её. Посмотрела. Долго. Молча. И сказала:

— Это моя.

Я не ответила. Потому что не знала, что сказать. Потому что пуговицы были бабушкины. Потому что их было двенадцать. Потому что одна из них только что оказалась у неё в руке.

Аграфена улыбнулась. Тихо. Грустно. И положила пуговицу в карман. Свой. Не мой.

— Что тебе нужно? — спросила я.

— Прощение. Твоё прощение. Твоё и Артёма. Всех. Потому что я не могу уйти. Пока вы не отпустите меня. Пока вы не простите меня. За то, что я сделала. За то, что я сделаю. За то, что я есть.

— Я не могу тебя простить.

— Тогда я заберу Артёма. И ты будешь жить с этим. Всегда.

Она шагнула к двери. И в этот момент я поняла: у меня нет выбора.

— Стой. Я прощу тебя.

Она обернулась. Посмотрела на меня. Долго. Молча. Так долго, что я услышала, как где-то в лесу кричит птица. Как капает воск. Как бьётся моё сердце.

— Простишь?

— Прощу. Но не сейчас. Потом. Когда пойму, что ты такое.

Она засмеялась. Тихо. Страшно. Смеялись стены. Смеялся лес. Смеялась тьма.

— Хорошо. Я подожду. Я умею ждать. Я ждала сто лет. Подожду ещё.

Она исчезла. Растворилась в темноте. Её никогда не было. Она была сном. Тенью. Памятью.

А я осталась стоять. С запиской в руке. С иконой в другой. Лампадка горела на столе. Чугунок стоял в печи. Огонь жил. Род жил. И я — вместе с ним.

Я не помнила, как села на пол. Как прижалась спиной к холодной ножке стола. Как закрыла глаза. Помнила только тишину. Густую. Живую. Кто-то затаился и смотрел.

В доме пахло воском и полынью. Свечи горели ровно. Воск капал на стол — медленно, тягуче, как кровь. Я смотрела на него и думала: «Я могла бы умереть здесь. Прямо сейчас. И никто бы не узнал».

Но я не умерла. Я сидела. Дышала. Смотрела на икону. И ждала. Чего? Я не знала. Может, бабушку. Может, Артёма. Может, её.

— Бабушка. Ты здесь?

Тишина. Только дождь. Только воск. Только лес.

— Я знаю, что ты здесь. Покажись.

И в этот момент свечи снова вспыхнули. Ярко. Тепло. Живо. И из дыма вышла она. Старая. Седая. С яблоком в руке.

— Ты его видела.

Не спросила. Сказала. Знала. Ждала. Боялась.

— Видела.

— И он сказал, что он твой брат.

— Сказал.

— Это правда.

Я замерла. Пуговицы в моей ладони стали холодными. Как лёд. Как вода в колодце. Как тьма.

— Что?

— У тебя был брат. Он родился за год до тебя. В том самом ските. В ту самую ночь. Когда всё началось.

— Почему никто не говорил?

— Потому что я запретила. Я сказала: «Пусть Ирина живёт нормально. Пусть не знает. Пусть не помнит». И все согласились. Мать. Отец. Тётя Шура. Мы все согласились.

— Почему?

— Потому что он был не такой. Он родился с тьмой в глазах. С голосами в голове. С холодом в руках. Я сказала: «Он не выживет. Он уже мёртв. Пусть Ирина не знает». И мы согласились. Мы все согласились.

— А он? Он выжил?

— Выжил. Но не так, как мы. Он остался в ските. В стенах. В воде. В дереве. Как она. Как Аграфена. Как все они.

— Что ему нужно?

— Прощение. Он хочет, чтобы ты простила его. За то, что он сделал. За то, что он сделает. За то, что он есть.

— Я не могу его простить.

— Тогда он заберёт Артёма. И тьма вернётся. Навсегда.

Я посмотрела на неё. И в этот момент я поняла: бабушка боится. Не тьмы. Не «его». А правды. Потому что правда могла оказаться хуже тьмы.

— Что мне делать?

— Найди его. Раньше, чем он найдёт Артёма. И узнай, кто он. Настоящий. Не тьма. Не призрак. Человек.

— Как?

— Через род. Через память. Через кровь.

Она исчезла. Дым рассеялся. Я осталась стоять. С пуговицами в руке. С иконой в другой. Лампадка горела на столе. Чугунок стоял в печи. Огонь жил. Род жил. И я — вместе с ним.

Я вышла из дома на рассвете. Дождь кончился. Небо было серым. Пели птицы. Лес стоял тихий. Спокойный. Ждал.

Я шла по тропинке. В сторону дома. В сторону Артёма. В сторону правды.

Я не знала, что найду. Не знала, что скажу. Не знала, что будет. Но я знала одно: я не одна. У меня есть род. У меня есть память. У меня есть сила.

И этого было достаточно.

А за спиной у меня хрустнула ветка.

Не одна. Две. Три.

Шаги. Тяжёлые. Медленные. Чужие.

Я обернулась.

В двадцати шагах от меня стоял он. Высокий. Тёмный. В чёрном пальто. С глазами, как угли.

Он смотрел на меня. И улыбался.

— Я знал, что ты придёшь. Я всегда знал. Потому что ты — моя. Потому что ты — род. Потому что ты — единственная, кто помнит меня.

— Что тебе нужно?

— Прощение. Твоё прощение. Его прощение. Всех. Потому что я не могу уйти. Пока вы не отпустите меня. Пока вы не простите меня. За то, что я сделал. За то, что я сделаю. За то, что я есть.

— Я не могу тебя простить. Ты хотел убить моего сына.

— Я не хотел. Я должен был. Потому что тьма приказала. Потому что тьма держала меня. Потому что тьма не отпускала. Но теперь... Теперь я здесь. И я прошу. Тебя. Артёма. Всех. Простите меня.

Он опустился на колени. Прямо там. На мокрую землю. И заплакал. Впервые за сто лет.

Я смотрела на него. И не знала, что делать. Простить? Убить? Бежать?

Я не знала. Но я знала одно: это только начало. Настоящая история ещё впереди. И тот, кто стоит перед ней на коленях, — не просто «он». Не просто тьма. Не просто брат.

Он — тот, кто не вернулся. И он ждал. Сто лет. В темноте. Один.

И теперь он стоял передо мной. Плакал. Просил.

А где-то в лесу, в доме, который не должен был существовать, Артём просыпался. И чувствовал: что-то изменилось. Что-то проснулось. Что-то, что спало в нём двенадцать лет.

Он вставал. Шёл к двери. Открывал её.

И выходил в лес.

Навстречу матери. Навстречу брату. Навстречу правде.

Она не ответила. Стояла. Смотрела. И в её глазах было что-то, чего Артём не видел никогда. Не страх. Не ненависть. Не тьма.

Узнавание.

Глава 2. Та, что осталась

Колодец стоял на краю огорода.

Я знала его всю жизнь. Старый. С почерневшим срубом. С мхом на брёвнах. С запахом сырости. Гнили. Чем-то старым. Чем-то, что было здесь всегда.

Артём упал в него в детстве. Я помнила это. Помнила, как бежала через огород, как кричала, как бабушка растирала ему руки. Помнила, как он смотрел на меня и говорил: «Мам, а в колодце правда живёт небо?»

Тогда я сказала: «Нет, сынок. Там только вода».

Я лгала. Я знала это. Знала с той самой ночи, когда ушла в лес. Знала, когда нашла дом. Знала, когда встретила Ивана. Знала, когда закрыла дверь скита.

В колодце было небо.

Только не то, о котором он спрашивал.

Я подошла к срубу. Положила ладони на брёвна. Холодные. Влажные. Живые. Как будто кто-то только что держал их в руках. Как будто кто-то только что их отпустил.

Записка была в кармане. Я не взяла с собой ни икону, ни пуговицы, ни крест-штурвал. Только записку. Только себя. Как было сказано: «Приходи. Одна».

Я посмотрела вниз.

Темнота. Глухая. Как глаз. Как вода в колодце. Как то, что было до воды. До света. До жизни.

Я знала, что там. Знала, что увижу. Знала, что не хочу видеть.

И всё равно шагнула.

Спуск был долгим. Дольше, чем в первый раз. Дольше, чем в скит. Дольше, чем в тот день, когда я уходила из дома с рюкзаком и лампой.

Я держалась за скобы. Ржавые. Холодные. Острые. Они резали ладони. Я не замечала. Я шла вниз. Медленно. Тихо. Как будто шла по дну реки. Как будто воздух стал водой. Густой. Тяжёлой. Вязкой.

Внизу было не вода.

Внизу была комната.

Я остановилась. Ноги коснулись пола. Не воды. Не глины. Деревя. Старого. Тёмного. Тёплого. Как будто его только что вымыли. Или как будто кто-то только что ходил по нему босиком. Ночью. Пока я спала.

Комната была низкой. Сводчатой. С каменными стенами. Как в ските. Как в той комнате, где я нашла имена шести детей. Только здесь не было имён. Здесь не было ничего. Только стол. Только свеча. Только стул.

И женщина на стуле.

Она сидела спиной ко мне.

Прямая. Неподвижная. Как будто не дышала. Как будто ждала. Давно. Очень давно. Сто лет. Двести. Тысячу.

На ней было тёмное платье. Простое. С длинными рукавами. Волосы — тёмные, с проседью, стянутые в тугий пучок. Несколько прядей выбивались. Как у меня. Как у всех женщин рода.

Я знала её.

Я не хотела знать. Но знала.

— Садись, — сказала она. Не оборачиваясь. — Ты долго шла.

Голос был мой. Не похожий. Не чужой. Мой. Как будто я говорила сама с собой. Как будто я стояла перед зеркалом. Только зеркало было тёмным. И в нём отражалась не я.

— Кто ты? — спросила я.

Она обернулась.

Медленно. Тихо. Как будто каждое движение давалось ей с трудом. Как будто тело не слушалось. Как будто оно привыкло быть внизу. В темноте. Один.

И я увидела.

Моё лицо. Мои глаза. Мои губы. Только старше. Намного старше. Как будто она прожила здесь сто лет. Двести. Тысячу. Как будто время здесь не текло, как река. Оно стояло на месте. Как вода в колодце, куда не падает свет.

— Я — та, что осталась, — сказала она. — Когда ты ушла в лес. Когда нашла дом. Когда встретила его. Ты выбрала силу. Я осталась с Артёмом. Ты забыла. Я помню.

Я стояла. Смотрела на неё. И чувствовала: что-то уходит. Что-то, что было во мне. Что-то, что было моим. Что-то, что было родом. Сила. Память. Жизнь. Она уходила. Медленно. Тихо. Неотвратно. Как вода сквозь пальцы. Как песок сквозь время. Как жизнь сквозь смерть.

— Ты лжёшь.

— Я не лгу. Я никогда не лгу. Я — ты. А ты не лжёшь. Ты просто не помнишь. Ты не помнишь, как упала в этот колодец. В пять лет. Как бабушка вытащила только одну. Вторую оставила. Потому что не могла вытащить обеих. Потому что времени было мало. Потому что вода поднималась.

Я замерла.

— Что?

— Ты не помнишь. Ты никогда не помнила. Ты думала, что ты одна. Что ты последняя. Что ты хранительница. Но хранительниц было две. Ты и я. Бабушка выбрала тебя. Потому что ты была сильнее. Потому что ты была светлее. Потому что ты могла жить. А я осталась здесь. В темноте. В воде. В колодце. Чтобы держать то, что не могла держать ты.

— Что держать?

— Тебя.

Она встала. Медленно. Тяжело. Как будто каждый сантиметр давался ей с трудом. Как будто ноги не слушались. Как будто она забыла, как это — ходить. Сто лет она не ходила. Сто лет она была тенью. Сто лет она ждала.

Она подошла ко мне. Так близко, что я могла коснуться её. Рукой. Пальцами. Сердцем. Но не коснулась. Не могла. Не смела.

— Ты думаешь, что закрыла дверь скита? Ты думаешь, что освободила Ивана? Ты думаешь, что простила прабабку? Ты думаешь, что всё закончилось?

— Да.

— Нет. — Она улыбнулась. Тихо. Страшно. Как будто ждала этого. Сто лет ждала. — Ты закрыла дверь. Но дверь — это не скит. Дверь — это ты. И пока ты не откроешь меня — тьма будет возвращаться. Снова. И снова. Потому что тьма живёт там, где есть забытое имя. А моё имя ты забыла. Давно. Очень давно. Когда тебе было пять.

— Как тебя зовут?

Она посмотрела на меня. Долго. Молча. И в её глазах было что-то, от чего у меня сжалось сердце. Не ненависть. Не злоба. Не тьма.

Одиночество.

— Ты не помнишь. Ты никогда не помнила. Ты думала, что ты одна. Что ты последняя. Что ты хранительница. Но хранительниц было две. Ты и я. Бабушка выбрала тебя. Потому что ты была сильнее. Потому что ты была светлее. Потому что ты могла жить. А я осталась здесь. В темноте. В воде. В колодце. Чтобы держать то, что не могла держать ты.

Она замолчала. Сглотнула. И сказала:

— Меня зовут Аграфена. Как ту, что сгорела в ските. Как ту, что выжила. Как ту, что ждала сто лет. Только я — не она. Я — та, что осталась. Та, что ждала под колодцем. Та, чьё имя вычеркнули из рода.

Я стояла. Смотрела на неё. И в этот момент я поняла: она не лжёт. Она говорит правду. Ту правду, которую я не хотела слышать.

А потом одна пуговица выпала из моего кармана. Сама. Без причины. Покатилась по полу. Медленно. Тихо. И остановилась у её ног.

Аграфена наклонилась. Подняла её. Посмотрела. Долго. Молча. И сказала:

— Это моя.

Я не ответила. Потому что не знала, что сказать. Потому что пуговицы были бабушкины. Потому что их было двенадцать. Потому что одна из них только что оказалась у неё в руке.

Аграфена улыбнулась. Тихо. Грустно. И положила пуговицу в карман. Свой. Не мой.

— Что тебе нужно? — спросила я.

— Прощение. Твоё прощение. Твоё и Артёма. Всех. Потому что я не могу уйти. Пока вы не отпустите меня. Пока вы не простите меня. За то, что я сделала. За то, что я сделаю. За то, что я есть.

— Я не могу тебя простить.

— Тогда я заберу Артёма. И ты будешь жить с этим. Всегда.

Она шагнула к двери. И в этот момент я поняла: у меня нет выбора.

— Стой. Я прошу тебя.

Она обернулась. Посмотрела на меня. Долго. Молча. Так долго, что я услышала, как где-то в лесу кричит птица. Как капает воск. Как бьётся моё сердце.

— Простишь?

— Прощу. Но не сейчас. Потом. Когда пойму, что ты такое.

Она засмеялась. Тихо. Страшно. Смеялись стены. Смеялся лес. Смеялась тьма.

— Хорошо. Я подожду. Я умею ждать. Я ждала сто лет. Подожду ещё.

Она исчезла. Растворилась в темноте. Её никогда не было. Она была сном. Тенью. Памятью.

А я осталась стоять. С запиской в руке. С иконой в другой. Лампадка горела на столе. Чугунок стоял в печи. Огонь жил. Род жил. И я — вместе с ним.

Я не помнила, как села на пол. Как прижалась спиной к холодной ножке стола. Как закрыла глаза. Помнила только тишину. Густую. Живую. Кто-то затаился и смотрел.

В доме пахло воском и полынью. Свечи горели ровно. Воск капал на стол — медленно, тягуче, как кровь. Я смотрела на него и думала: «Я могла бы умереть здесь. Прямо сейчас. И никто бы не узнал».

Но я не умерла. Я сидела. Дышала. Смотрела на икону. И ждала. Чего? Я не знала. Может, бабушку. Может, Артёма. Может, её.

Я достала из рюкзака пуговицы. Двенадцать штук. Костяные. Старые. Я держала их в ладони, и они были тёплыми. Кто-то только что держал их в руках. Кто-то только что их отпустил.

— Бабушка. Ты здесь?

Тишина. Только дождь. Только воск. Только лес.

— Я знаю, что ты здесь. Покажись.

И в этот момент свечи снова вспыхнули. Ярко. Тепло. Живо. И из дыма вышла она. Старая. Седая. С яблоком в руке.

— Ты его видела.

Не спросила. Сказала. Знала. Ждала. Боялась.

— Видела.

— И он сказал, что он твой брат.

— Сказал.

— Это правда.

Я замерла. Пуговицы в моей ладони стали холодными. Как лёд. Как вода в колодце. Как тьма.

— Что?

— У тебя был брат. Он родился за год до тебя. В том самом ските. В ту самую ночь. Когда всё началось.

— Почему никто не говорил?

— Потому что я запретила. Я сказала: «Пусть Ирина живёт нормально. Пусть не знает. Пусть не помнит». И все согласились. Мать. Отец. Тётя Шура. Мы все согласились.

— Почему?

— Потому что он был не такой. Он родился с тьмой в глазах. С голосами в голове. С холодом в руках. Я сказала: «Он не выживет. Он уже мёртв. Пусть Ирина не знает». И мы согласились. Мы все согласились.

— А он? Он выжил?

— Выжил. Но не так, как мы. Он остался в ските. В стенах. В воде. В дереве. Как она. Как Аграфена. Как все они.

— Что ему нужно?

— Прощение. Он хочет, чтобы ты простила его. За то, что он сделал. За то, что он сделает. За то, что он есть.

— Я не могу его простить.

— Тогда он заберёт Артёма. И тьма вернётся. Навсегда.

Я посмотрела на неё. И в этот момент я поняла: бабушка боится. Не тьмы. Не «его». А правды. Потому что правда могла оказаться хуже тьмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.